

Научная статья

УДК 821.161'01"16"

DOI 10.17223/18137083/80/1

Автор в структуре текста «Сибирских посланий» Игнатия (Римского-Корсакова)

Тамара Васильевна Панич

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

tvpanich@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6223-7615>

Аннотация

Рассматриваются особенности проявления авторского начала в тексте трех архиерейских посланий Тобольского и Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова), написанных им в конце XVII в. и получивших в научной литературе название «Сибирские послания». В качестве материала исследования привлечен список «Сибирских посланий», принадлежавший Афанасию Холмогорскому, другу и единомышленнику митрополита Игнатия (БАН, Архангельское собрание, С 220). Анализируется образ автора и приемы авторской самопрезентации. Определяется роль автобиографических включений в создании образа автора, устанавливаются формы его присутствия в структуре текста сочинения.

Ключевые слова

митрополит Игнатий (Римский-Корсаков), «Сибирские послания», образ автора, авторское самосознание

Для цитирования

Панич Т. В. Автор в структуре текста «Сибирских посланий» Игнатия (Римского-Корсакова) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 10–17. DOI 10.17223/18137083/80/1

The author in the structure of the text of the “Siberian Epistles” of Ignatius (Rimsky-Korsakov)

Tamara V. Panich

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

tvpanich@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6223-7615>

Abstract

The paper is devoted to the study of the author's beginning in the text of the “Siberian Epistles” written at the end of the 17th century by the famous church figure, writer, and publicist Ignatius (Rimsky-Korsakov). Of great importance is the image of the author manifesting itself in the structure and semantic field of the text in different situations. The fragments containing elements of Ignatius' autobiography play a special role in its construction. The facts of personal life described and introduced into the epistolary discourse add new touches to his image and reveal his author's position towards the events depicted and the people acting in them,

© Панич Т. В., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 10–17

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3, pp. 10–17

thus expressing the author's presence in the text. The writer includes the dialogues, where he acts as a participant, into the composition structure of the "Siberian Epistles", often using the personal pronoun "I" as a method of author's self-presentation. Sometimes he acts both as a narrator and a character inside the main text (listener, participant in the dialogue). The methods and ways of organizing the text used by Ignatius testify to his creative courage, his understanding of the significance of the writer's word, the power of its impact on the reader. In general, the strategy chosen by the author of the "Siberian Epistles" allowed him to express most powerfully his individuality, author's self-consciousness and helped in revealing the idea and goal that he set for himself when starting to create the "Siberian Epistles."

Keywords

Metropolitan Ignatius (Rimsky-Korsakov), "Siberian Epistles," the image of the author, the author's self-consciousness

For citation

Panich T. V. The author in the structure of the text of the "Siberian Epistles" of Ignatius (Rimsky-Korsakov). *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 3, pp. 10–17. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/80/1

«Сибирские послания» принадлежат перу Игнатия (Римского-Корсакова), известного церковного деятеля второй половины XVII в., писателя и публициста, автора многочисленных произведений разных жанров и содержания¹. Послания (всего их три) относятся к позднему («сибирскому») периоду творчества Игнатия, когда он занимал кафедру митрополита Тобольского и Сибирского². Этот, сравнительно недолгий период жизни Игнатия отличает активная и плодотворная литературная деятельность. Помимо «Сибирских посланий», писатель создает Житие Симеона Верхотурского вскоре после обретения в декабре 1694 г. мощей святого, в освидетельствовании которых он принимал непосредственное участие [Журавель, 2000; 2001]. Е. К. Ромодановская, изучавшая сибирскую литературу XVII – первой половины XVIII в., особо выделяла среди сибирских писателей (в том числе архиереев, возглавлявших тобольскую кафедру в этот период) митрополита Игнатия как самого заметного и искусного в литературном деле автора. Она писала: «Игнатий был наиболее опытным писателем среди сибирских авторов и больше всех соблюдал требования литературной формы» [Ромодановская, 2002, с. 301]. Созданные митрополитом Игнатием в Сибири произведения, несомненно, сыграли большую роль в распространении здесь православной духовной культуры, оказали влияние на развитие местной литературной традиции. Особое место среди них принадлежит его «Сибирским посланиям». По мнению Е. К. Ромодановской, именно эти послания Игнатия принесли ему «наибольшую популярность» [Там же, с. 37].

Послания посвящены теме борьбы с расколом в Сибири и направлены против идеологов и вождей урало-сибирского старообрядческого движения, вовлекавших в его ряды всё новых адептов староверия, что представляло реальную угрозу для патриаршей Церкви. Игнатий работал над посланиями с 1693 по 1696 г.³ Точную

¹ Обзор литературного творчества Игнатия (Римского-Корсакова) см.: [Богданов, 1994]; см. также: [Никулин, 2015, с. 161–211].

² В город Тобольск – месторасположение архиерейского Софийского дома – он прибыл 12 февраля 1693 г. и управлял епархией до своего отъезда в Москву зимой 1699–1700 г. [Никулин, 2015, с. 61–137].

³ Как предполагает И. А. Никулин, первое и второе послания были написаны в период между летом 1693 и весной 1695 г. [Никулин, 2015, с. 193–195].

датировку имеет только Третье (самое большое) послание: в конце текста автор отметил окончание работы над ним – 12 апреля 1696 г.⁴ Послания представлены во всех известных списках в виде комплекса, в том числе и в двух списках Сокращенной редакции. По-видимому, такое композиционное оформление текста отражает волю автора, объединившего последовательно написанные им три текста эпистолярного характера под названием «На арменов и полуарменов»⁵.

Одной из особенностей текста «Сибирских посланий» является ярко выраженное авторское начало: здесь постоянно присутствует сам автор с его авторским голосом. В этом видится отражение характерных для литературы второй половины XVII в. тенденций: ее качественных трансформаций, проявившихся в росте авторского начала, авторского самовыражения и самосознания, в индивидуализации литературного творчества [Буланин, 1992, с. 7]. Если в древнерусской литературе раннего периода прослеживаются лишь отдельные тенденции развития авторского самосознания [Конявская, 2000], то во второй половине XVII в. оно приобретает более определенные формы, являясь одной из важных составных частей «авторского комплекса»⁶. Несмотря на наличие работ теоретической и конкретно-исторической направленности, в которых рассматривались разные аспекты «авторского комплекса» в древнерусской литературе, в том числе в ее «переходный» период, проблема остается малоизученной [Архангельская, 2007, с. 160]. Многие вопросы, связанные с проблемой автора в литературе XVII в., остаются нерешенными. Думается, что изучение отдельных ее аспектов на материале конкретных сочинений этого времени может быть полезным для понимания общих закономерностей развития авторского начала в литературе второй половины XVII в.

Одним из таких сочинений является эпистолярный комплекс сибирского и тобольского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова). Рассмотрение специфики проявления авторского начала, форм выражения авторского присутствия в структуре и смысловом поле текста «Сибирских посланий» составляет задачу настоящей статьи. В качестве материала исследования нами используется один из авторитетных списков посланий – рукопись, хранящаяся в Архангельском собрании Библиотеки Академии наук под шифром С 220. Список был подготовлен для холмогорского архиепископа Афанасия, друга митрополита Игнатия⁷.

При написании «Сибирских посланий» перед митрополитом Игнатием стояла непростая задача. Он адресовал свою архиерейскую проповедь, облеченную в форму окружного послания, не только противникам церковной реформы (староверам), но всем православным христианам сибирской епархии. Для него важно было предостеречь урало-сибирскую паству от возможного влияния на нее учения адептов «старой веры». Однако главной составляющей творческой целеустановки Игнатия являлось стремление обличить противников церковной реформы, показать их заблуждения в ее истолковании, разъяснить ошибочность их учения

---

⁴ Л. Б. Воронова выявила 14 списков «Сибирских посланий» и установила две редакции их текста: Пространную и Сокращенную [Воронова, 1984, с. 193–198].

⁵ Такое авторское название связано с тем, что в вероучении и обрядовой практике староверов митрополит Игнатий усматривал сходство с учением и обрядами армянской церкви и называл его «армянской ересью».

⁶ Об авторском самосознании как важном показателе формирования писателя-профессионала в XVII в. см.: [Панченко, 1973, с. 161–166; 1974]; см. также: [Лихачев, 1973, с. 144–146].

⁷ Издание текста «Сибирских посланий» по этому списку см.: [Панич, 2019а].

в целом. Авторская интенция митрополита Игнатия ясно выражена в словах, обращенных к одному из лидеров старообрядческого протестного движения: «Но аз, прославляя святую Троицу, хуление твое обличю...» (цит. по: [Панич, 2019а, с. 169]⁸). Здесь, как и во множестве других случаев, в качестве способа авторской самоподачи митрополит Игнатий выбирает личное местоимение «Аз» («Я»). Он говорит непосредственно от своего лица, описывая разные ситуации, в которых выступает в качестве действующего субъекта: «И сия убо аз, смиренный архиерей... вам глаголю», «Аз убо мнх...», «И се убо вашей любви аз возвестих...», «И се убо аз в правду глаголю тебе», «и сие убо аз, смиренный, слышах от братии...», «вопрошах аз, смиренный...», «Сия же аз, смиренный, слышав, повелех ему...» и т. д.

Таким образом, митрополит Игнатий выражает свою позицию в системе *автор – читатель* не только благодаря обозначению во всех посланиях своего высокого статуса – высшего чина в духовной иерархии («архиерей», «милостию Божию митрополит Сибирский и Тоболский»), но и за счет прямого обращения к читателю с помощью личного местоимения «Аз». Тем самым он предельно ясно конкретизирует собственную субъектность и особую значимость своих суждений и пастырских наставлений. Это в известной мере способствует раскрытию его авторского образа. В восприятии читателя он предстает как заботливый пастырь, мудрый наставник своих духовных чад, строгий хранитель православной веры, а также как беспощадный критик и обличитель противников церковной реформы. Дополнительные штрихи к образу автора «Сибирских посланий» вносят его прямые эмоционально окрашенные обращения к читателям, типа: «Зрите, благословеннии христоробцы и чада святых Церкви...», «И се убо вашей любви аз возвестих...», «Смотрите же, возлюбленнии...», «Се убо познаете, любимицы, что есть православие...», «Внимайте, возлюбленнии...» и др.

Особую роль в конструировании образа автора, фиксации и закреплении формы его присутствия в тексте посланий выполняют фрагменты, содержащие элементы автобиографии митрополита Игнатия. Например, в одной из глав Третьего послания (она называется «Явление преподобных Зосимы и Савватия и сказание их о обители») Игнатий в назидание своим читателям (как старообрядцам, так и верным чадам патриаршей Церкви) рассказывает поучительную историю о некоем больном человеке, который был чудесно исцелен после усердных молитв святым Зосиме и Савватию Соловецким. Чудо служит здесь подтверждением правоты церковной позиции по отношению к старообрядцам и их учению. Писатель обосновывает достоверность данного чуда (и других, подобных ему «знамений и чудес») тем, что он узнал об этой истории от монастырской братии во время своего пребывания в Соловецкой обители, где по заданию духовных властей исполнял должность епископа и приводил богослужение в соответствии с обрядовыми новациями никоновской реформы. Игнатий пишет: «И сие убо аз, смиренный, слышах от братии монастыря того, поведавших ми повесть сию о чудеси соловецких чудотворцев, пребых бо тамо по очищении обители в том Соловецком монастыре три лета, послушание проходя епископа, еже есть бых уставником церковнаго благочиния. Сего ради и достоверно вашей любви пишу» (с. 226–227).

Писатель использует в посланиях и другие факты своей биографии, например эпизод, относящийся уже к сибирскому периоду его жизни. Речь идет о прово-

---

⁸ Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются номера страниц.

дившемся им в мае 1693 г. допросе одного из главных вождей сибирского раскола Иосифа Истомина (Астомена, как он здесь называется). На этот раз Игнатий включает в композицию послания диалог. Форма диалога дает ему возможность предельно точно представить позицию каждого из его участников. Сам автор предстает в образе одной из сторон диалога-poleмики, расспроса, ситуативно занимая более выигрышную позицию, так как именно он выступает в качестве «постановщика» действия: от него зависит дальнейшая судьба задержанного и допрашиваемого Иосифа Истомина. Игнатий обличает Иосифа в том, что он не посещает храм и учит людей креститься двумя перстами. Истомин при этом защищается и даже возражает митрополиту, отстаивая свои взгляды, в частности двуперстное знамение, ссылаясь на Книгу Кирилла Иерусалимского и другие авторитетные источники. Привожу начало этого текста. Так, митрополит Игнатий пишет:

Сия же аз, смиренный, слышав, повелех ему приити к себе в Крестовую нашу палату и глаголах к нему: «Брате Иосифе, чесого ради дея твориши таковая, яже слышах о тебе? Поучаваеши приходящих к тебе, да не входят в церковь и святынь ея да не причащаются и от иереев благословения приимати возбранаеши?»

Он же отвещав, рече ко мне: «Аз убо, – рече, – владыко святыи, никого не учу, еже бы не входити в церковь святую или не приимати святынь ея, понеже и сам аз всегда хожду ко церкви святой».

Вопросих же его: «Аще имеши, – рече, – духовности твоей свидетеля, еже есть отца духовнаго?»

Отвещав же той Иосиф Астомен, рече ми: «Имех, – рече, – отца духовнаго, знаменскаго прежняго архимандрита Моисеа».

Паки же вопросих его: «Колико время преиде, отнеле же исповедался еси?»

Глагола он: «Уже убо тому преидоша лета три».

Аз же рекох к нему: «Почто убо в прочия лета не очищал еси святым покаянием совести помышления своего? К сему же еще и поучаеши креститися двема персты, яко же проклятии армени творят [сие же аз рех к нему, яко еще не ведомо ми бяше, еже он родом и верою яко арменин]».

Он же отвещав, рече ми: «Подобает убо тако креститися двема персты, яко же пишет о сем в предисловиях следованных Псалтирей и в книгах Кирилла Иерусалимскаго, и в Книге о правой вере, и в предисловии Псалтири учебней, и в книжице Катихисисе» (с. 234).

В приведенных отрывках из посланий Игнатий выступает одновременно и как автор полемического нарратива, и как действующее лицо описываемых событий, а в эпизоде с чудом исцеленного человека – как рассказчик одной из легенд Соловецкого монастыря, которую он включает в основное повествование.

Подобные факты и сведения из жизни автора, встроенные в эпистолярный дискурс, дополняют его образ новыми деталями, уточняют авторскую позицию по отношению к описываемым событиям и действующим в них лицам, являются формой выражения авторского присутствия в тексте. Митрополит выступает здесь одновременно и в роли рассказчика, и в роли персонажа (слушателя, участника диалога), действующего внутри собственного сочинения. Следует сказать, что подобную форму организации текста писатель использовал и ранее. Например, в Послании Афанасию Холмогорскому, в котором извещал архиепископа

о болезни и кончине патриарха Иоакима. Здесь он также исполнял роль не только автора-повествователя, но и непосредственного участника воспроизводимых им событий (например, эпизод у постели умирающего патриарха, полный драматизма его диалог с Иоакимом) [Панич, 2011]. Это касается и Жития Симеона Верхотурского, в тексте которого также присутствует автор сочинения в роли действующего лица. Наиболее ярко это проявилось в Пятом чуде Жития⁹, где Игнатием излагаются события, связанные с освидетельствованием мощей святого, в котором он был главным действующим лицом. Здесь же митрополит повествует о своем видении, в котором ему было открыто имя праведника.

Игнатий в «Сибирских посланиях» проявляется как талантливый рассказчик, умеющий привлечь внимание своих слушателей и читателей. Он встраивает в композиционную структуру текста небольшие вставки сюжетного повествования, имеющие законченную форму, они сопровождаются авторскими дидактическими заключениями, отражающими личную позицию автора. Особенно наглядно этот прием демонстрируют включенные в Третье послание насыщенные образами и мотивами из Священного Писания, элементами вымысла, чудесами, знаменами «повести» о старообрядческих «гарях», каждая из которых представляет собой литературную версию реальных исторических событий (массовых самоожжений староверов), происходивших в Урало-Сибирском регионе во второй половине XVII в. Они получают авторскую интерпретацию писателя [Панич, 2019б, с. 128–130].

В целом приемы и способы организации текста «Сибирских посланий» свидетельствуют о творческой смелости Игнатия (Римского-Корсакова), понимании им значимости писательского слова, силы его воздействия на читателя. Можно констатировать, что стратегия, избранная автором этого эпистолярного комплекса, позволила ему с наибольшей силой проявить свою индивидуальность, авторское самосознание, способствовала возрастанию авторского начала в тексте посланий, помогла в раскрытии замысла и цели, которую он перед собой ставил, приступая к их созданию.

Список литературы

Архангельская А. В. Проблема автора в древнерусской литературе // Автор как проблема теоретической и исторической поэтики: Сб. науч. ст.: В 2 т. Минск, 2007. Т. 1. С. 156–161.

Богданов А. П. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 6, ч. 1. С. 165–248.

Буланин Д. М. Последнее десятилетие древнерусской книжности // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. С. 3–13.

Воронова Л. Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 185–201.

Журавель О. Д. Житие Симеона Верхотурского (к изучению литературного творчества Игнатия Римского-Корсакова) // Источники по русской истории и литературе. Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 73–93.

---

⁹ См. публикацию текста: [Журавель, 2001, с. 203–210].

- Журавель О. Д. Житие Симеона Верхотурского // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 196–271, 377–386. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 10)
- Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI–XV вв.). М., 2000. 195 с.
- Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973. 253 с.
- Никулин И. А., свящ. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. 312 с.
- Панич Т. В. Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима (автор как рассказчик и участник описываемых событий) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 121–127.
- Панич Т. В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С 220 // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019а. С. 156–247.
- Панич Т. В. Повести о старообрядческих «гарях» из Сибирских посланий Игнатия (Римского-Корсакова) // Вестник ЕДС. 2019б. № 2 (26). С. 124–141.
- Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. 280 с.
- Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // XVIII век. 1974. № 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 112–128.
- Ромодановская Е. К. Избранные труды: Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. 390 с.

References

- Arkhangel'skaya A. V. Problema avtora v drevnerusskoy literature [The author as a problem of theoretical and historical poetics]. In: *Avtor kak problema teoreticheskoy i istoricheskoy poetiki: Sb. nauch. st.: V 2 t.* [The author as a problem of theoretical and historical poetics: Coll. of sci. papers: In 2 vols]. Minsk, 2007, vol. 1, pp. 156–161.
- Bogdanov A. P. Tvorcheskoe nasledie Ignatiya Rimskogo-Korsakova [Creative heritage of Ignatius Rimsky-Korsakov]. In: *Germenevika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of the Old Russian literature]. Moscow, 1994, coll. 6, pt. 1, pp. 165–248.
- Bulanin D. M. Poslednee desyatiletie drevnerusskoy knizhnosti [The last century of Old Russian bookishness]. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Hermeneutics of the Old Russian literature]. St. Petersburg, 1992, iss. 3 (17th century), pt. 1, pp. 3–13.
- Konyavskaya E. L. *Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika (11–15 vv.)* [Author's self-consciousness of the Old Russian writer (11th–15th centuries)]. Moscow, 2000, 195 p.
- Likhachov D. S. *Razvitie russkoi literatury 10–17 vekov* [The development of Russian literature of 10th–17th centuries]. Leningrad, 1973, 253 p.
- Nikulin I. A., svyashch. *Preosvyashchennyy Ignatiy (Rimskiy-Korsakov), mitropolit Sibirskiy i Tobol'skiy* [Eminent Ignatius (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Siberia and Tobolsk]. Ekaterinburg, 2015, 312 p.
- Panchenko A. M. *Russkaya stikhotvornaya kul'tura 17 veka* [Russian poetry culture of the 17th century]. Leningrad, 1973, 280 p.
- Panchenko A. M. О смене писател'sкого типа в Петровскую эпоху [About the change of the writer's type in the Peter the Great era]. In: *Problemy literaturnogo raz-*

vitiya v Rossii pervoi treti 18 veka. Coll. "18 vek" [Problems of literary development in Russia in the first third of the 18th century. Collection "18th century"]. Leningrad, 1974, iss. 9, pp. 112–128.

Panich T. V. Poslanie Ignatiya Rimskogo-Korsakova Afanasiyu Kholmogor-skomu o smerti patriarkha Ioakima (avtor kak rasskazchik i uchastnik opisyyvaemykh sobyitij) [Epistle of Ignatius Rimsky-Korsakov to Athanasius Kholmogorsky about the death of patriarch Joachim (the author as a narrator and participant of these events)]. In: *Sibir' na perekrest'e mirovykh religiy: Materialy Mezhtregion. nauch.-prakt. konf.* [Siberia at the crossroads of world religions: Materials of the Interregional sci. and pract. conf.]. Novosibirsk, 2011, pp. 121–127.

Panich T. V. Povesti o staroobryadcheskikh "garyakh" iz Sibirskikh poslaniy Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) [Stories about "Burns" of old believers in the Siberian epistles of Ignatius (Rimsky-Korsakov)]. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2019b, no. 2 (26), pp. 124–141.

Panich T. V. Sibirskie poslaniya Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) po spisku BAN, Arhangel'skoe sobranie, S 220 [Siberian Epistles of Ignatius (Rimsky-Korsakov) According to the LAS Register, Arkhangel'sk Collection, C 220]. In: *Istochniki po istorii Rossii: problemy obshchestvennoi mysli i kul'tury* [Sources on the history of Russia: issues of social ideas and culture]. Novosibirsk, 2019, pp. 156–247.

Romodanovskaya E. K. *Izbrannye trudy: Sibir' i literatura. 17 vek* [Selected works: Siberia and literature. 17th century]. Novosibirsk, 2002, 390 p.

Voronova L. B. Arkheograficheskiy obzor spiskov sochineniy Ignatiya Rimskogo-Korsakova [Archaeographical review of the lists of Ignatius Rimsky-Korsakov's works]. In: *Issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya epokhi feodalizma v Rossii* [Studies on the history of social consciousness of the feudal era in Russia]. Novosibirsk, 1984, pp. 185–201.

Zhuravel' O. D. Zhitie Simeona Verkhoturskogo (k izucheniyu literaturnogo tvorchestva Ignatiya Rimskogo-Korsakova) [The Life of Simeon Verkhotursky (to study the literary work of Ignatius Rimsky-Korsakov)]. In: *Istochniki po russkoy istorii i literature. Srednevekov'e i Novoe vremya* [Sources on Russian history and literature. Middle Ages and Modern Time]. Novosibirsk, 2000, pp. 73–93.

Zhuravel' O. D. Zhitie Simeona Verkhoturskogo [The Life of Simeon Verkhotursky (to study the literary work of Ignatius Rimsky-Korsakov)]. In: *Literaturnye pamyatniki Tobol'skogo arkhieireiskogo doma 17 veka* [The literary monuments of the Tobolsk bishop's house in the 17th century]. Novosibirsk, 2001, pp. 196–271, 377–386. (Istoriya Sibiri. Pervoistochniki [History of Siberia. Original sources]. Vol. 10)

Информация об авторе

Тамара Васильевна Панич, доктор филологических наук

Information about the author

Tamara V. Panich, Doctor of Philology

Статья поступила в редакцию 18.04.2022;
одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 22.05.2022
The article was submitted 18.04.2022;
approved after reviewing 22.05.2022; accepted for publication 22.05.2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 3
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 3